

УДК 2-74

Противодействие экстремистской деятельности религиозных объединений: международный опыт правового регулирования

Иеромонах Лев (Скляров)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Скляров С. С. Противодействие экстремистской деятельности религиозных объединений: международный опыт правового регулирования // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 3. С. 549–560. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.313>

Каждый человек может свободно исповедовать любую религию, быть членом религиозного объединения или атеистом — так гласят практически все существующие правовые нормы, касающиеся вопросов свободы совести и веры. Однако на законодательном уровне в разных странах регулярно вводятся ограничения на распространение новых религиозных движений, деструктивных культов и сект, отдельных религиозных обрядов и церемоний, экстремистского мировоззрения. Такие законодательные акты можно разделить на две основные категории в соответствии с логикой правоприменительной практики: запретительные и ограничительные. Запретительные предусматривают прямой запрет на какие-либо действия, ограничительные предусматривают ряд условий, при которых норма используется в качестве средства частичного запрета. Запретительные и ограничительные меры в отношении религиозных экстремистов рассматриваются как деятельность государства по обеспечению права на свободу совести и свободу вероисповедания. В данной статье анализируется международный опыт правового регулирования деятельности религиозных объединений деструктивного характера (новых религиозных движений, культов и сект), в частности противодействия их экстремистской деятельности, а также исследуется вопрос о возможности имплементации норм международного права в данной сфере.

Ключевые слова: имплементация, международное право, национальное право, противодействие экстремизму, религиозные объединения.

-
- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2022
 - © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2022

Введение правовых запретов и ограничений на деятельность деструктивных культов и распространение деструктивных убеждений вызывает множество споров в силу сложности определения деструктивности в ее функциональном, динамическом понимании. Сторонники либерального подхода зачастую акцентируют внимание на недопустимости произвольного, необоснованного запрета, подчас игнорируя само понятие деструктивности. При этом положениям разрешительного характера придается, как правило, расширительное толкование, отвергающее возможность критического рассмотрения культа как источника общественной опасности.

Несмотря на это, на международном уровне признаны допустимыми ограничения прав со стороны государства, если деструктивность распространяемого мировоззрения доказана, а запрет имеет обоснование и собственные внутренние ограничения на применение. Международные правовые акты содержат перечень оснований для введения подобных ограничений.

По смыслу и возможности правоприменения запреты и ограничения деструктивных культов естественным образом вытекают из положений п. 1 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека («каждый человек имеет обязанности перед обществом»¹). Действительно, ограничение деятельности деструктивных культов не притесняет их адептов, но не позволяет вовлекать и использовать людей, обманом ущемляя их свободу.

Пункты 1–4 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах² раскрываются в понимании, соответствующем п. 2 ст. 29 Декларации, благодаря исчерпывающему перечню мотивов и оснований, которые дают возможность ввести ограничения на исповедание религии или системы убеждений. Поясним: положения Пакта не ограничивают права на само убеждение или образ мышления, а вводят ограничения на исповедание, т. е. на их перевод в практическую плоскость, в том числе на распространение деструктивных убеждений и на действия в соответствии с ними. Презумпция права на внутреннее убеждение (лат. *forum internum*) распространяется только на закрытый, не вынесенный в общественное пространство аспект мировоззрения.

Мировоззренческий выбор не контролируется, это внутреннее состояние, не подлежащее прямому контролю или воздействию со стороны государственной системы. Убеждения не могут быть признаны преступными, но ровно до тех пор, пока не возникает ситуация их реализации — от высказывания при других лицах до действий, ими явно продиктованных. Вместе с тем любая попытка вторжения в человеческое мировоззрение и убеждения, приводящая к их изменению и реализованная методами обмана, психологического давления или массового убеждения, может быть

¹ Всеобщая декларация прав человека (далее — Декларация). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.05.2021).

² Международный пакт о гражданских и политических правах (далее — Пакт). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=5531;div=LAW;dst=100331#07577167304194694> (дата обращения: 11.05.2021).

признана противоречащей понятиям свободы совести, так как, по сути, является методом высказывания деструктивного положения, посягательства на целостность мировоззрения и убеждений.

Реализация убеждений, включая их распространение, подлежит ограничению, несмотря на неприкосновенность внутреннего убеждения, если действия, продиктованные неким убеждением, затрагивают мировоззрения и убеждения других. Они могут регулироваться государством, ограничиваться и запрещаться в зависимости от обоснованного и признанного уровня опасности. Единственный вопрос, который остается предметом спора, — это право на самоистязание или самоубийство, которое человек совершает по убеждению, но не затрагивает при этом интересы других лиц. Хотя, следует признать, что демонстрация подобного акта уже представляет собой реализацию убеждений, которая может быть ограничена.

В п. 1 и 2 ст. 22 Пакта прямо закрепляется право создания объединений по религиозному и мировоззренческому признаку, при этом специально оговаривается, что отсутствие обоснований и ясно изложенных мотивов для запрета рассматривается как признак разрешенной деятельности, в том числе при создании религиозных сообществ.

В ст. 26 Пакта указывается, что закон защищает человека независимо от его религиозных убеждений и принадлежности к иным незапрещенным объединениям. Декларация и Пакт также закрепляют право создания общин, объединений по религиозному признаку, право исповедовать религию группой и в рамках объединения.

Если органы власти принимают решение о необходимости ограничить или запретить деятельность лица или объединения, связанную с исповеданием какой-либо религии, то для этого необходимо иметь самое серьезное обоснование, в том числе не только доказательства деструктивности мировоззрения, но и оценку масштабов опасности такой деятельности для общества или отдельных лиц. Поскольку ограничения вводятся для урегулирования конфликтов, вызванных исповеданием религии, то государство должно соразмерять принятие мер с тяжестью этих конфликтов, в том числе потенциальных.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г.³ в первой же статье содержит указание на право свободы мысли, религиозных убеждений и совести, оговаривая, что закон может ограничивать это право только при наличии веских и доказанных оснований с точки зрения общественной необходимости. Реализацию права на свободу мысли и совести нельзя ограничивать не только государством, но и отдельным лицом, объединением, независимой или коммерческой организацией. Подобные действия возмож-

³ Принята Резолюцией № 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25.11.1981. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/36/55> (дата обращения: 11.05.2021).

но рассматривать как дискриминацию по религиозному признаку или по признаку убеждений (ст. 2)⁴.

Документ содержит важный перечень свобод, совокупность которых и составляет понятие свободы совести (ст. 6):

В соответствии со ст. 1 настоящей Декларации и с соблюдением положений п. 3 ст. 1 право на свободу мысли, совести, религии или убеждений включает, в частности, следующие свободы: а) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей; б) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения; в) производить, приобретать и использовать в соответствующем объеме необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями; д) писать, выпускать и распространять соответствующие публикации в этих областях; е) вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этой цели; ф) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования; г) готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений; h) соблюдать дни отдыха и отмечать праздники и отправлять обряды в соответствии с предписаниями религии и убеждениями; и) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях.

Достоинство приведенного перечня заключается в конкретизации признаков свободы совести, возможности избежать двойных, расширительных или ограничительных толкований.

Свобода совести в данном документе определена по признакам и конкретизирована по составляющим; кроме того, здесь уточняются права, которыми граждане должны реально располагать для реализации свободы совести в государстве, принимающем действие международного права как приоритетное. Право действовать по представлениям о свободе совести и убеждений подтверждается и уточняется перечислением определенных форм и видов взаимодействия с обществом, социальной активности, с оговоркой, что иные формы взаимодействия, не указанные конкретно в документе, могут иметь место и рассматриваются как проявления свободы совести, убеждений и вероисповедания. Оговорка снимает с перечня признак исчерпывающего, что, в свою очередь, означает невозможность его использования как ограничительного, по признаку отсутствия в нем определенной формы действий.

Международное право содержит и ряд макрорегиональных документов в данной области.

Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в п. 1–2 ст. 9 указывает, что свобода вероисповедания и убеждений

⁴ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 11.05.2021).

подлежит «лишь ограничениям, установленным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц»⁵. Понятие свободы и ее гарантий предполагает, что распространение религиозных убеждений рассматривается как реализация права на свободу мнения. В ст. 19 Конвенции речь идет об институте Европейского суда по правам человека, который при принятии решений должен руководствоваться положениями ч. 2 ст. 9, где названы критерии, определяющие допустимость ограничений⁶: «Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Итоговый документ Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 1989 г.⁷ указывает условия для обеспечения права свободного исповедания религии и веры. Государства-участники, подписавшие итоговый документ, взяли на себя обязательства по обеспечению свободы слова и вероисповедания в своих юрисдикциях (п. 16.1–16.11).

В рамках СНГ также принят ряд документов⁸, касающихся защиты прав и свобод, в которых говорится об ограничении свободы исповедания религии или убеждений лишь в том случае, если это противоречит безопасности, а также иным правам и свободам.

В структуре международного права сегодня сформирован пласт документов, отражающих правовые механизмы противодействия тоталитарным культам и сектам. Так, рекомендация Европейского парламента определяет необходимость ограничения и пресечения деятельности нелегальных сект, поскольку нарушения прав человека, допускаемые ими, противоречат основным ценностям и не могут рассматриваться как проявления свободы вероисповедания⁹.

⁵ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписана 04.11.1950, вступила в силу для Российской Федерации 05.05.1998 (далее — Конвенция). URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 11.05.2021).

⁶ См. об этом: *Шахов М. О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.

⁷ Итоговый документ третьей встречи, Вена, 04.11.1986–19.01.1989. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/1/40885.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

⁸ Для нас интересна Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (вместе с Положением о Комиссии по правам человека СНГ, утв. 24.09.1993). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/ (дата обращения: 11.05.2021).

⁹ Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 05.02.1992 № 1178 (1992) о сектах и новых религиозных движениях. URL: <http://base.garant.ru/70390738> (дата обращения: 11.05.2021).

Подобные правовые механизмы формируются и на национальном уровне.

Так, во Франции с 1978 г. действует Межминистерская комиссия по контролю и противодействию сектантским течениям. С 1998 г. реализуется комплекс мер по борьбе с деструктивными сектантскими организациями. Для информирования населения о потенциальной опасности оставлен термин «секта», который позволяет понятно, без дополнительных разъяснений обозначить предмет (объект), но не применять его в практике работы судов и правоохранительных органов.

В 2001 г. был принят определяющий Закон о предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека (Закон Абу — Пикар, далее — Закон)¹⁰, на основании которого и начала строиться соответствующая практическая работа¹¹. В Законе используется формулировка «сектантские течения», но больше внимания уделяется конкретным мерам в отношении физических и юридических лиц, позволяющим применять санкции к организации и организатору в зависимости от статуса движения и его инициаторов, руководителей. Так, в первой же главе Закона указано, что юридическое лицо может быть принудительно выведено из состава признаваемых при обнаружении признаков создания психологической и физической зависимости у лиц, попавших под его влияние. Это практически означает переход от абстрактного понимания деструктивности к возможности экспертно и объективно оценить конкретные деяния.

Законодатели, правительство и правоохранительные органы Германии, в свою очередь, поддержали Рекомендацию № 1412 (1999) Совета Европы¹², в которой говорилось о создании в странах ЕС специальных уполномоченных государственных органов для противодействия деструктивным сектам и движениям. В рамках инициативы была создана Европейская конфедерация национальных антисектантских негосударственных организаций (FECRIS)¹³, координирующая исследования в этой области.

Также в Германии функционируют специальные государственные органы, уполномоченные вести мониторинг сектантских движений, анализировать их деятельность на предмет выявления признаков деструктивности, заниматься оповещением населения об опасности взаимодействия с ними. Большое внимание уделяется непосредственной защите гражда-

¹⁰ Закон Франции о предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека от 30.05.2001 / пер. с фр. Л. К. Проровой. URL: <https://iriney.ru/main/pravo/zakon-franczii-o-preduprezhdenii-i-presechenii-sektantskix-techenij.html> (дата обращения: 11.05.2021).

¹¹ См. об этом: Понкин И. В. Экстремизм: правовая суть явления. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2008. С. 33–40.

¹² Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 22.06.1999 № 1412 (1999) о незаконной деятельности сект. URL: <https://rm.coe.int/adoptedtext1999june/16809837bc> (дата обращения: 11.05.2021).

¹³ European Federation of Centres of Research and Information on Cults and Sects. URL: <https://www.fecris.org> (дата обращения: 11.05.2021).

нина от влияний, которая разделена на три ступени профилактики или, иначе говоря, представляет собой систему трех предупреждений: 1) информирование населения; 2) поиск причин популярности секты, изучение предпосылок для обращения к ней; 3) практические мероприятия по выводу человека из-под влияния, т. е. освобождение из секты.

Более широко работает механизм придания движениям статусов — специального и обычного. Так, организация, которая по численности включает в себя не менее 1 % населения территории (земли), может претендовать на получение специального статуса, который предполагает взаимодействие с госорганами, доступ в образовательные и медицинские учреждения, получение господдержки. Переход из обычного статуса в специальный, фактически легитимирующий общественный статус организации, сложен, связан с прохождением проверок на признаки деструктивности и тоталитарности.

Законодательство Австрии, регламентирующее взаимоотношения государственных институтов и религиозных организаций и защищающее права граждан от посягательств деструктивных культов, считается одним из старейших в Европе. Австрия имеет богатый исторический опыт объединения народов с разными вероисповеданиями, основанный на Законе о признании церквей и религиозных обществ¹⁴, который был принят в 1874 г. и предусматривал придание церкви и организациям официального статуса при соответствии ряду критериев. Получение признания открывает доступ к выступлениям в СМИ, предоставляет налоговые льготы, а также возможность поддержки образования по религиозному профилю. Регистрация обставлена жесткими условиями, касающимися деятельности организации, приносимой ею пользы обществу. Процедура официального признания статуса двухэтапная: сначала нужно стать религиозной конфессиональной ассоциацией и только через десять лет появляется право на истребование статуса церкви. Как показывает практика, это эффективный инструмент отсеивания нежелательных движений.

Правовая система США предполагает соответствующую работу государственных правоохранительных структур на основе оперативных мероприятий, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие конкретных преступлений, планируемых или совершаемых религиозными сообществами деструктивного или тоталитарного толка.

В целом государственно-конфессиональные отношения в США строятся на сепарационном принципе, который подразумевает отсутствие вмешательства государства в религиозную деятельность, полное равенство всех конфессий и движений, отказ от какой-либо финансовой поддержки любой религиозной организации со стороны государства. Это объясняется историческими условиями, которые сформировались еще во время

¹⁴ Gesetz vom 20. Mai 1874, betreffend die gesetzliche Anerkennung von Religionsgesellschaften, Fassung vom 23.05.2021. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009173> (дата обращения: 05.11.2021).

становления североамериканской государственности. Билль о правах превращает издание законов, выделяющих любую религию из прочих особой поддержкой или запретом¹⁵. Таким образом был сформулирован и закреплен на федеральном уровне базовый принцип поликонфессиональности. По сути, любое религиозное объединение в США рассматривается и регистрируется на уровне штата как некоммерческая корпорация.

Особенности законодательства отдельных штатов, указывающие на привилегированное положение некоторых религиозных конфессий, справедливее всего отнести к пережиткам прошлого, в реальности не влияющим на современную ситуацию и государственно-конфессиональные взаимоотношения.

Конституции большого количества штатов содержат прямой запрет на занятие государственных должностей атеистами, но в формулировках есть интересные особенности. Так, в разд. 265 ст. 14 Конституции штата Миссисипи читаем: «Никакое лицо, отрицающее бытие Бога, не может занимать какую-либо государственную должность в настоящем Штате»; в Арканзасе это положение дополняется: «Никакое лицо, отрицающее бытие Бога, не может занимать никакую должность государственной гражданской службы в настоящем Штате, а также выступать в качестве свидетеля в любом суде» (разд. 1 ст. 19 «Прочие положения» Конституции). Обратим внимание: в приведенных примерах не оговаривается принадлежность к определенной религии или мировоззрению.

Очень интересна в этом смысле Конституция Техаса: «Никакие религиозные требования не могут устанавливаться в качестве условия для какой-либо государственной должности... в настоящем штате, никто не может быть не допущен к замещению государственной должности по причине его религиозных чувств, при условии, что он признает существование Высшего Божества» (разд. 4 ст. 1). Здесь религиозные институты, институты вероисповедания ясно и однозначно отделены от веры как таковой.

Несмотря на поликонфессионализм и принцип сепарации, религиозные организации привлекают внимание спецслужб и правительства как потенциальные носители экстремистских идеологий, опасностью которых нельзя пренебрегать.

Следование принципу сепарации и равенства всех религий выражается в том, что в США не существует единой государственной системы противодействия религиозному экстремизму — сбором информации и анализом данных занимаются аналитические центры в статусе независимых организаций, они же разрабатывают и меры противодействия экстремизму, но изучение их открытой отчетности показывает, что сведения подчеркнута «отвязываются» от принадлежности группы или лица к определенной религии, так как это может быть расценено как ее «выделение» из общего ряда равных движений. Как отмечает Н. В. Володина, госслужащие

¹⁵ Constitution of the United States, Amendment I. URL: [https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm#amdt_1_\(1791\)](https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm#amdt_1_(1791)) (дата обращения: 11.05.2021).

в США получают общие рекомендации по религиозной нейтральности: «запрет на участие представителей власти в религиозных спорах, запрет на публичное объявление какой-либо религии основной или единственно верной; рекомендации по обучению представителей правоохранительных органов умению различать основы ислама и экстремистские проявления и высказывания; рекомендации пропагандировать религиозное равенство, независимость свобод от религиозной принадлежности, опровергать утверждения экстремистов о несовместимости ислама и американского гражданства»¹⁶.

Трагические события последних лет, кроме прочего, вызвали значительное ужесточение федерального законодательства в США, касающегося предупреждения проявлений экстремизма разного рода и противодействия им.

Религиозная сфера Китая в силу специфики жизни в стране и особенностей исторического развития привлекает особое внимание властей. При формально провозглашенной свободе вероисповедания все вопросы свободы совести и отправления религиозных культов жестко контролируются и ограничиваются государством в свойственной ему почти бескомпромиссной манере. После прихода к власти Си Цзиньпина стали активизироваться антиправительственные движения под видом сект и религиозных объединений. Это объясняется тем, что восточные религии имеют черты философских учений, которым легко придать политический оттенок, даже не прибегая к существенным передергиваниям и искажениям смысла. К этому прибавляется активное финансирование из-за рубежа, типичное для картины финансовой борьбы иностранных групп и государств с «режимами», которые считаются недостаточно «демократичными».

Несмотря на конституционную свободу вероисповедания, члены Коммунистической партии Китая не могут быть связаны с религией, а их число в стране достигает 90 млн чел. При этом ведется активная работа по подавлению религиозных проявлений и контролю за ними, процесс так называемой китаизации религии, т. е. необходимости сближения и приведения в соответствие с данным понятием религиозных и общественных начал.

Большое количество культов, национальная пестрота, автономия уйгуров, исповедующих ислам, привели к появлению и развитию антиэкстремистского законодательства, которое запрещает браки без госрегистрации, критику политики ограничения рождаемости, стремление ограничить получения детьми стандартного образования, ношение хиджаба. Местное население недовольно положением о принуждении, которое может быть усмотрено в совместном посещении мечети родственниками.

¹⁶ Володина Н. В. Особенности современного «американского» экстремизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2013. № 2. С. 227.

По инициативе властей дети уйгуров получают образование в больших городах, в отрыве от близких.

Специфика китайской борьбы с сектантством такова, что власти свободно применяют расширительные толкования и формируют списки деяний, рассматриваемых как экстремистские, широко и вольно, как это видно из перечня квалификации деяний по ст. 300 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики¹⁷. Власти крайне настороженно относятся к возможности проникновения протестных настроений через религиозные организации, поэтому таковым прямо запрещена регистрация при зарубежном финансировании и управлении. Часть 1 ст. 5 Положения об управлении религиозной деятельностью устанавливает: «Все религии твердо придерживаются принципа независимости, самостоятельности и собственной деятельности, религиозные коллективы, религиозные институты и школы, места осуществления религиозной деятельности и религиозные дела не управляются силами из-за рубежа»¹⁸. Более всего китайские власти обеспокоены проникновением зарубежных влияний, что вполне объяснимо с учетом особенностей восточных учений и культов.

Таким образом, следует констатировать наличие видимого противоречия между основными принципами международного регулирования защиты прав человека в сфере свободы совести и вероисповедания, с одной стороны, и международной практикой запрещения или ограничения экстремистской деятельности религиозных сообществ — с другой. На первый взгляд, имеется несоответствие между декларируемыми принципами и реальной практикой. Критики политики противодействия религиозному экстремизму усматривают различные нарушения свободы совести и вероисповедания при реализации запретительных и ограничительных мер.

Однако данная проблема может быть рассмотрена в иной теоретической перспективе. Не всякая религиозная деятельность является осуществлением прав на свободу совести и вероисповедания. В определенных девиантных формах деятельность религиозных сообществ может приводить к существенным нарушениям этих фундаментальных прав человека. В сектах и деструктивных культах происходит подавление человеческой личности, что препятствует возможности реализации прав на свободу совести и вероисповедания. Фактически экстремистские группы лишь прикрывают свою деструктивную деятельность религиозной. Налицо злоупотребление правом, что также указывает на экстремистскую направленность.

В связи с этим деятельность государства по противодействию религиозному экстремизму не является ограничением права на свободу совести и вероисповедания. Напротив, реализация запретительных и ограничительных мер по отношению к подобным сообществам выступает органич-

¹⁷ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁸ Приводится по: *Лузянин С. Г., Троицкий П. В.* Обеспечение национальной безопасности Китая на современном этапе (нормативно-правовой аспект) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1 (68). С. 65.

ной частью государственной политики по обеспечению религиозных прав и свобод человека.

Мы не рассматриваем в настоящей статье российский опыт — он станет темой отдельного исследования. Вопрос имплементации международного опыта может быть решен именно в указанной выше теоретической перспективе и при координации всех разработок, в частности модельных норм, предложенных Советом Европы как наиболее полно отражающих данную проблематику и не противоречащих российскому законодательству, регулирующие вопросы свободы совести и деятельность религиозных объединений. Такое решение возможно на федеральном уровне в рамках соответствующего экспертного проекта.

Распространение квазирелигиозных объединений, чья деятельность зачастую содержит признаки экстремизма и нарушает права граждан, является серьезной комплексной угрозой государству и обществу во всем мире.

Статья поступила в редакцию 18 июля 2021 г.;
рекомендована к печати 1 июня 2022 г.

Контактная информация:

Иеромонах Лев (Склярков Сергей Сергеевич) — магистр теологии, магистр юриспруденции, ст. преп.; ssklyarov@hse.ru

Countering extremist activities of religious associations: International experience of legal regulation

Hieromonk Lev (Sklyarov)

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Sklyarov S. S. Countering extremist activities of religious associations: International experience of legal regulation. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 3, pp. 549–560. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2022.313> (In Russian)

Everyone can freely profess any religion, i. e. to be a member of a religious association or to be an atheist. This is what practically all existing legal norms concerning freedom of conscience and faith say. However, restrictions on the spread of new religious movements, destructive cults and sects, individual religious rites and ceremonies, and extremist worldviews are regularly introduced by legislatures in different countries. Such legislative acts can be divided into two main categories in accordance with the logic of law enforcement practice: prohibitive and restrictive. Prohibitive laws provide for a direct ban on any actions, restrictive ones provide for a number of conditions under which the norm is used as a means of partial prohibition. Prohibitive and restrictive measures against religious extremists are considered as the activity of the State to ensure the right to freedom of conscience and freedom of religion. This article analyzes the international experience of legal regulation of the activities of destructive religious associations — new religious movements, cults and sects, in particular, countering their extremist activities, and also examines the possibility of implementing the norms of international law in this area.

Keywords: implementation, international law, national law, countering extremism, religious associations.

References

- Luzyanin S. G., Troshchinsky P. V. (2018) “Ensuring the national security of China at the present stage (regulatory aspect)”, in *Journal of foreign legislation and comparative law*, no. 1 (68), pp. 60–69. (In Russian)
- Ponkin I. V. (2008) *Extremism: The legal essence of the phenomenon*. Moscow, Institut gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii i prava Publ. (In Russian)
- Shakhov M. O. (2013) *Legal framework for the activities of religious associations in the Russian*. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyr'ia Publ. (In Russian)
- Volodina N. V. (2013) “Features of modern ‘American’ extremism”, in *RUDN Journal of Law*, no. 2, pp. 219–227. (In Russian)

Received: July 18, 2021

Accepted: June 1, 2022

Author's information:

Hieromonk Lev (Sergey S. Sklyarov) — Master of Theology, Master of Law, Senior Lecturer; ssklyarov@hse.ru